

Примечания

[1] Вся тактика английской аристократии и плутократии за полтора столетия была в этом направлении: ради нее парламент создал право захвата общинных земель (миллионы акров захвачены были в течение *этого* девятнадцатого века), и даже последняя война против *буров* была вызвана именно желанием Йоганнесбургских золотопромышленников уничтожить *общинное землевладение* у негров, обезземелить их, загнать их в «казармы» и заставить их, голодом и штрафами, работать за бесценок в заводах, рудниках, — так же, как работают негры в алмазных копях в Кемберлее.

[2] Политическая экономия, как буржуазная, так и социалистическая, остаётся до сих пор в том же положении, в каком была геология в конце прошлого века, т.е. чистой метафизикой. Экономисты не понимают, как ненаучно, например, утверждать *количественные* отношения, не давая себе труда, и даже не понимая необходимости *количественно* проверить утверждаемые им количественные законы. Что сказали бы мы, например, про физика, который, видя, что камень, свалившийся с 5-го этажа, летит скорее, чем камень, упавший с 1-го этажа, сказал бы: «пространство, пройденное камнем, пропорционально времени, которое он падал» и не подозревал бы необходимости проверить цифрами свое утверждение? А между тем, хотя бы по вопросу о меновой ценности нам говорят, что она измеряется количеством необходимого труда (т.е., стало быть, пропорциональна ему), даже не замечая, что для того, чтобы утверждать, что между двумя количествами существует отношение прямой пропорциональности (что «одно есть прямолинейная функция другого, как говорят математики) *обязательно* доказать, что такое отношение действительно существует. Экономист же, заметивши: «разве ценность алмазов не уменьшилась с тех пор, как их стали много находить в Африке?» — довольствуется этим наивным замечанием. О том же, что всякий естественный *закон* выражается в форме условной, т.е. «если это существует, то произойдет то-то», он как будто и не слышал, а прямо так и говорит: «Мерило ценности — такой-то труд», между тем как, если оно так и есть, то есть же условия, при которых это возможно, и весь интерес лежит именно в изучении этих условий: всегда ли они налицо, или только иногда? Я говорю, конечно, наших современных писателей. Относительно трудовой теории ценности ее основатель, Адам Смит, так же мало виновен в подобном утверждении, как и Ньютон в утверждении, что «все тела притягиваются так-то».

В кругу общественных наук есть, конечно, место для *науки* политической экономии. Но эта наука, когда ее начнут разрабатывать, будет совсем непохожа на теперешнюю. Она займет место физиологии общества. Физиология растений (физиология питания, размножения) изучает, какими приспособлениями пользуются растения, чтобы достигать наибольших результатов (сохранение особи и вида) при наименьшей затрате энергии; физиология общества то же сделает для общества и, изучив эти приспособления и сравнив их с их результатами, скажет: такие-то приспособления представляют наибольшую экономию энергии при наибольшей жизнеспособности особи и вида, а такие-то — безумную трату сил. Такие-то не экономны, но полезны тем-то. Сочинять же метафизические трилогии насчет

развития общества и открывать *законы*, не подозревая даже условности всякого так называемого закона природы, — значит делать то, что делали геология и физиология, когда они еще не были науками. Оно, может быть, и нужно, только науки политической экономии еще не существует.

[3] Подробности об этом периоде читатель найдет в брошюре «Государство, его роль в истории», а также с указанием источников в статьях: «Взаимная помощь»: «III. Варварский период» и «IV. Средневековый город».

[4] За рубль с небольшим в год вы страхуете имущество в 1000 рублей, и что бы у вас ни украли, компания без всяких разговоров выплачивает стоимость украденного. — «Вы, конечно, обращаетесь к полиции, чтобы разыскать вора?» — спросили мы одного агента. — «Никогда; это совершенно бесполезно. Притом страхование оплачивает все расходы».

[5] Если в Англии, во Франции, в Соединенных Штатах да еще в Швейцарии народ имеет кое-какое влияние на государственные дела, то только потому, что в этих странах во всякой деревушке, во всякой мастерской, а тем более в больших городах есть люди, которые «когтем и зубом» готовы стоять за *свои человеческие личные права* и не позволят ни себя, ни свои права втоптать в грязь. Когда недавно (в 1886 году) в Лондоне опять заговорили, что надо бы не пускать манифестацию голодных рабочих в Гайд-парк, то вся печать завопила: «А забыли небось 1878 год (года, наверно, не помню), когда полицейские преградили толпе дорогу в парк? Что они тогда наделали? Разломали железную решетку и ее пиками полицейских перебили. С нашим народом нельзя шутить. Наша „чернь“ весь Лондон способна разнести». И разнесли бы. Могу прибавить, что правительство отлично это знало в 1886 году. Свободу, какая бы она ни была, надо завоевывать, а не ждать ее от «высочайше дарованных» конституций.

[6] Возьмите, например, Парижскую коммуну 1871 года. Не ученые, но руководители народа, даже не вожаки Международного Союза рабочих шепнули парижскому народу, что надо провозгласить коммуну; что в независимом городе, объявившем, что он не намерен ждать, пока вся Франция дойдет до идей радикальной, социалистической (или, по крайней мере, равноправной) республики, надо начать водворять такую республику. Эта идея жила в Париже, в народе, с 1793 года; ее развивал в 1848 году Прудон; она гнездилась, полусознанная — почувство и полумысль — в умах парижских рабочих, и они — даже сюрпризом для большинства вожаков — провозгласили коммуну. Они объявили, что им нет дела до Франции — государства; что они у себя, в своем любимом Париже, намерены начать нечто новое: выступить на новый смутно-социалистический путь точно так же, как в 1793 году в каждом городе, в каждой деревне Восточной Франции местный Робеспьер и местный Марат выступали на новый, нефеодальный путь: выгоняли старых чиновников, вооружались, отнимали общинные земли назад, жгли уставные грамоты и т.д. И, не дожидаясь никого, парижские блузники, рабочие, организовывали военную защиту города, организовывали почту (на диво английским корреспондентам) и начали (только под конец, к несчастью) организовывать общинное кормление. Если бы в эту пору у парижского народа, кроме идей равенства и идей коммуны, было бы также и смутное сознание, что дома́ должны быть отобраны у теперешних хозяев коммуной, что коммуне, т.е. блузникам, надо организовать кормление всего народа, а также производство всего, что нужно для этого, — тогда

